

Н.А. Котляревский

Михаил Юрьевич Лермонтов
личность поэта и его произведения

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.А. Котляревский**
Михаил Юрьевич Лермонтов: личность поэта и его произведения / Н.А. Котляревский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 340 с.

ISBN 978-5-517-99273-4

ISBN 978-5-517-99273-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Эта книга была написана въ 1891 году, въ годъ пятидесятилѣтїя со дня кончины Лермонтова. Тогда много говорили и писали о Михаилъ Юрьевичъ.

Судъ потомства надъ нимъ, какъ человекомъ и поэтомъ, поражалъ отсутствіемъ единодушїя и согласїя въ конечныхъ выводахъ. Каждый изъ судившихъ истолковывалъ по-своему душу писателя и смыслъ его словъ, по-своему оцѣнивалъ общечеловѣческое или историческое значеніе его поэзіи.

Такое разногласіе не должно удивлять насъ, если мы вспомнимъ, какой сложной, полной противорѣчїй,—какой загадочной психической организаціей былъ одаренъ Лермонтовъ; какъ глубокъ былъ смыслъ его рѣчей—плодъ его острой мысли и какъ богато опытками его настроеніе—откликъ его поэтической души на всю впечатлѣнїя жизни, не только его окружавшей, но жизни вообще, какъ великой нравственной проблемы.

Долгіе годы, протекающїе со дня кончины Лермонтова, сохранили его живымъ для насъ. Многое, о чемъ онъ думалъ, осталось и для насъ предметомъ живого размысленїя; многіе изъ его страданїй и радостей продолжали

и насъ печалитъ и радовать, и мы, говоря о немъ, не могли забыть о себѣ.

Личныя симпатіи и антипатіи должны были при-
мѣняться ко всѣмъ сужденіямъ объ этомъ большомъ
поэтѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь типичномъ выразителѣ
и истолкователѣ одной весьма знаменательной эпохи въ
исторіи нашей образованности.

Жизнь поэта была такимъ образомъ продолжена за
предѣлы его гроба, и это было новымъ оправданіемъ кра-
соты его поэзіи и ея общечеловѣческаго смысла.

Исторія жизни Лермонтова въ настоящее время
возстановлена насколько это допускали дошедшія до
насъ скудныя свидѣнія. Нельзя сказать, что это жизне-
описаніе во внѣшнихъ своихъ очертаніяхъ предста-
вляетъ большой интересъ. Поэтъ умеръ очень рано
и въ книгѣ жизни успѣлъ перелистать лишь нѣ-
сколько страницъ, и то довольно однообразныхъ. Но онъ
въ себѣ самомъ носилъ цѣлый міръ чувствъ, идей и
видѣній.

Эти мысли, настроенія и грезы онъ облекъ въ худо-
жественную поэтическую форму. Для всѣхъ, кто чутокъ къ
красотѣ, кто склоненъ и любитъ думать объ ея смыслѣ
и назначеніи въ нашей жизни, поэзія Лермонтова навсегда
останется неизсякаемымъ родникомъ восторга и размы-
шленія.

Но въ ней есть и иная сила, столь же вѣчная, какъ ея
красота. Въ художественную форму облекла эта поэзія
цѣлый рядъ вопросовъ нравственнаго порядка, — вопросовъ
не только связанныхъ съ определеннымъ историческимъ
моментомъ нашей русской жизни, но связанныхъ вообще
съ бытіемъ чловѣка, поскольку онъ мыслитъ и ощущаетъ
себя не единичнымъ явленіемъ, а частью единого цѣлаго,

въ отношеніи къ которому у нею есть, и права, и обязанности.

Лермонтовъ—изъ семьи моралистовъ, искателей нравственной истины.

Чего искалъ онъ и какъ искалъ — вотъ вопросъ, на который авторъ настоящей книги желалъ бы отвѣтитьъ.

I.

Глубокое раздумье надъ нравственной цѣнностью жизни и нравственнымъ призваніемъ человѣка составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ только-что минувшаго XIX вѣка. Онъ былъ вѣкомъ тяжелыхъ испытаній для нашего нравственнаго чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкомъ очень сильнаго воздѣйствія всевозможныхъ этическихъ ученій на ходъ нашей жизни. Рѣдко когда человѣкъ мучился такъ вопросами личной и общественной этики, какъ въ это столѣтіе, начавшееся съ крутой ломки главнѣйшихъ устоевъ духовной и матеріальной жизни всего культурнаго міра и окончившееся ожиданіемъ столь же радикальнаго перелома.

Несомнѣнно, что вѣка зарождающагося и торжествующаго христіанства, равно какъ и эпоха реформаціонныхъ движеній могутъ по силѣ и глубинѣ поднятыхъ тогда нравственныхъ вопросовъ поспорить съ XIX столѣтіемъ. Но надо помнить, что первые христіане и реформаторы въ своей борьбѣ за новый или обновленный нравственный идеаль жизни имѣли одну великую союзницу — сильную своей простотой и наивностью религіозную вѣру, которая освящала нравственныя понятія, утверждала кодексъ личной и общественной этики и давала людямъ готовую формулу поведенія. XIX вѣкъ, наслѣдникъ скептицизма и раціонализма предшествующихъ вѣковъ, такой союзницы не имѣлъ и все теоретическое построеніе морали и практическое проведеніе ея

въ жизнь долженъ былъ совершить лишь при поддержкѣ свободнаго разума и свободнаго чувства, которые все болѣе и болѣе освобождались отъ всякой не ими установленной санкціи. Такая свобода приводила къ великимъ умственнымъ и душевнымъ колебаніямъ и тревогамъ и дала въ результатѣ то поражающее разногласіе въ философскихъ основахъ морали и въ программахъ практическаго проведенія въ жизнь принциповъ добра и справедливости, которое бросается въ глаза при самомъ бѣгломъ взглядѣ на ходъ развитія культурной жизни за минувшее столѣтіе. Моралистъ-теоретикъ или практикъ, открытый или тайный—вотъ тотъ повсемѣстно распространенный типъ культурнаго человѣка, который въ изобиліи выработанъ XIX вѣкомъ. Служители церкви разныхъ вѣроисповѣданій перенесли центръ своихъ интересовъ съ вопросовъ богословскихъ на вопросы нравственные, стремясь главнымъ образомъ оправдать истинность своихъ религіозныхъ догмъ не столько передъ Богомъ, сколько передъ людьми... Философы всевозможныхъ школъ завершали свои философскія системы построеніемъ морали на принципахъ умозрѣнія, не говоря уже о томъ, что сама этика разрослась въ цѣлую самостоятельную науку, обогащенную новымъ матеріаломъ, добытымъ антропологіей, этнографіей, языковѣдѣніемъ и естественно-историческими знаніями... Люди строгой науки, которые могли оставить нравственные вопросы внѣ поля своего зрѣнія, и они—физиологи, біологи и зоологи, не говоря уже объ историкахъ всѣхъ видовъ и направленій—старались привести свою науку въ связь съ этическими требованіями человѣческаго духа... Если отъ людей теоретической мысли мы перейдемъ къ людямъ практическаго дѣла, то общій и самый бѣглый взглядъ на политическія и соціальныя движенія, которыя въ XIX вѣкѣ во всѣхъ культурныхъ странахъ проявлялись такъ рѣшительно и въ такомъ разнообразіи, убѣдитъ насъ еще болѣе въ томъ, какъ настойчиво современный человѣкъ стремился и стремится устроить свою земную жизнь

согласно съ тѣми нравственными принципами, которые онъ признаетъ разумными и природѣ человеческой свойственными. Наконецъ, поэты и художники, и они не избѣгли въ минувшемъ столѣтіи этого самовластія моральной мысли и чувства — и стѣдуетъ только углубиться въ міръ ихъ мечтаній, чтобы увидать, какъ часто они отождествляли свою роль творцовъ красоты съ ролью наставниковъ, проповѣдниковъ житейской мудрости, пророковъ добра и истины, законодателей и вождей. И какъ много мучились они надъ вопросомъ о связи добра и красоты, которой они служили, какъ поспѣшно подчиняли они иногда красоту добру и за тѣмъ, разсерженные, какъ рѣзко и раздраженно пытались они порвать всякую связь между ними!

XIX вѣкъ—вѣкъ своеобразный по интенсивности въ людяхъ нравственной мысли и чувства, вѣкъ, когда недовольство установившимися этическими нормами жизни заставляло людей часто переоцѣнивать всѣ цѣнности, отъ утвержденія быстро переходить къ отрицанію, отъ любви къ ненависти, отъ смиренія къ возстанію.

Этотъ интересъ къ вопросамъ нравственнаго порядка, — къ вопросамъ личной и гражданской этики, теоретической и практической, — былъ въ минувшемъ вѣкѣ очень силенъ и у насъ въ Россіи. Особенности нашего политическаго и общественнаго строя не могли, конечно, не отразиться на тѣхъ формахъ, въ какія облеклась эта этическая мысль у насъ. При неподвижности и косности мысли религіозной, при отсутствіи широкаго и разносторонняго гласнаго обсужденія многихъ самыхъ существенныхъ сторонъ жизни, при всѣхъ тѣхъ стѣсненіяхъ, какими у насъ было обставлено всякое проявленіе свободной инициативы въ мысляхъ и дѣяніяхъ — нельзя было, конечно, надѣяться встрѣтить свободнаго моралиста на разныхъ поприщахъ теоретической или практической дѣятельности. И вся воспитательная работа въ этомъ направленіи почти всей своей тяжестью легла на искусство, преимущественно, конечно, на искусство словесное.

Художникъ-писатель, подъ давленіемъ этической мысли, узкой или широкой, личной или общественной, привыкалъ смотрѣть на себя какъ на судью, который долженъ дать извѣстную нравственную оцѣнку окружающей его дѣйствительности; и это неравномѣрное распредѣленіе ролей въ дѣлѣ общественнаго воспитанія поставило русскаго художника-писателя въ положеніе исключительно трудное.

Какъ сынъ своего вѣка, столь явно пристрастнаго къ этическимъ вопросамъ и кромѣ того какъ гражданинъ страны, гдѣ всякая моральная проповѣдь, глубоко врѣзающаяся въ жизнь, обставлена великими стѣсненіями, — художникъ-писатель, безъ поддержки иныхъ культурныхъ силъ, имѣлъ много случаевъ задуматься надъ своимъ призваніемъ и надъ своимъ нравственнымъ долгомъ передъ жизнью; и эти думы становились для него источникомъ большихъ мученій.

II.

Изъ всѣхъ людей, стоящихъ въ первыхъ рядахъ общества, никто не бываетъ такъ безоруженъ передъ этическими вопросами жизни, какъ поэтъ, этотъ признанный баловень природы.

Сложная и весьма часто болѣзненно напряженная нервная система; повышенная отзывчивость на всѣ впечатлѣнія жизни безъ разбора; міръ мечты и видѣній, заслоняющій такъ часто реальный обликъ жизни и тѣмъ обостряющій столкновеніе съ нею, — держать художника въ постоянной тревогѣ духа; и чѣмъ сложнѣе запросы жизни его окружающей, тѣмъ труднѣе и запутаннѣе его отношеніе къ нимъ. Ему болѣе, чѣмъ кому-либо, приходится страдать отъ постояннаго разлада идеала и дѣйствительности, такъ какъ результаты его дѣятельности менѣе осязательны, чѣмъ плоды какой-либо иной работы.

Способность преобразать, и людей, и минуту; способность жить въ иномъ мірѣ, силою своего воображенія, иногда торжествующаго, а иногда беззащитнаго передъ сарказмами разсудка; поэтическая идеализація земныхъ чувствъ и умѣнье наслаждаться призраками, какъ бы предметами земными и осязаемыми,—все выводитъ поэта на опасный путь раздвоенія и вражды съ окружающею его обстановкою,—если его фантазія не настолько сильна, чтобы поработить въ немъ всѣ остальные духовныя силы и заставить его совсѣмъ забыть о томъ, что онъ видитъ плотскими глазами.

Этотъ разладъ въ душѣ поэта можетъ быть смягченъ и умиротворенъ лишь однимъ сознаниемъ—увѣренностью, что его поэтическая греза есть живая сила, которая при всей своей видимой отчужденности отъ жизни есть сама эта жизнь, но только въ своеобразной формѣ. Художникъ долженъ прежде всего сознать свою солидарность съ окружающими людьми—какъ бы онъ на нихъ ни сердился и даже ни презиралъ ихъ—потому что только эта солидарность, эта нравственная связь обезпечиваетъ ему самое цѣнное—увѣренность, что онъ самъ есть сила живая, дѣйствующая, а не призрачная.

III.

Душевные страданія Лермонтова, застывшія въ столь красивыхъ формахъ, проистекали изъ его раздумья надъ вопросомъ—въ чемъ и какъ должна выразиться связь между нимъ, поэтомъ и человѣкомъ, и людьми, среди которыхъ судьба ему жить опредѣлила.

Лермонтовъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ старался выяснить себѣ свое, если такъ можно выразиться, общественное положеніе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Вопросы религіозные, философскіе и политическіе скользнули по его глубокому уму и взволновали его душу, и онъ умеръ, не успѣвъ доработаться въ раздуміи надъ этими вопросами до

какого-нибудь опредѣленнаго объединяющаго міровоззрѣнія. А ему нужна была ясность во взглядѣ на міръ и въ пониманіи своей роли въ немъ, такъ какъ съ дѣтскихъ лѣтъ онъ былъ убѣжденъ, что судьба забросила его на землю для какого-то великаго подвига. Онъ чувствовалъ въ себѣ большую силу характера и таланта, и не зналъ куда ее направить. Міръ представлялся ему ареной, которая ждала его выхода, его борьбы за идеалы. Онъ страдалъ отъ того, что эти туманные, но облюбованные имъ идеалы не укладывались ни въ опредѣленную теоретическую формулу, ни въ практическую программу. Эти поиски идеаловъ и эти мечты о своемъ великомъ призваніи были въ поэтѣ нечѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ сознанія своей связи съ людьми и обнаруженіемъ желанія служить имъ въ одной изъ самыхъ отвѣтственныхъ и трудныхъ ролей героя. Не покидавшее поэта сознаніе своей беспомощности передъ этой высокой задачей стало источникомъ его недовольства жизнью, его разочарованія и его скорби.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, какъ извѣстно, умеръ очень рано, на 27 году жизни—[родился 2—3 октября 1814 г. Умеръ 15 іюля 1841 года]. Ранняя смерть прервала его литературную дѣятельность, быть можетъ, въ тотъ самый моментъ, когда талантъ его, пройдя черезъ длинную подготовительную школу литературнаго и жизненнаго воспитанія, былъ наканунѣ полнаго расцвѣта. Въ оставшихся произведеніяхъ Лермонтова передъ нами далеко не законченная картина, а лишь болѣе или менѣе вырисованные этюды и наброски.

Естественно, что отъ человѣка, который жилъ такъ мало, мы не въ правѣ требовать исчерпывающаго рѣшенія труднѣйшихъ вопросовъ жизни. Къ этому рѣшенію Лермонтовъ только готовился, и вся его литературная дѣятельность не что иное, какъ отраженіе этой духовной работы, постоянно кипучей, нервной и часто до болѣзненности изнурительной.

По своему темпераменту Лермонтовъ былъ натурой